

Тори Ру

ВЫШЕ СТЕН

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84-4(2Рос=Рус)
Р82

Ру Т.

Р82 Выше Стен/ Т. Ру, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 368 с.

ISBN 9978-5-521-91956-7

Регина.

Мама вышла замуж, и у меня появилась надежда на лучшее будущее, а еще — новый дом, заботливый отец и загадочный сводный брат. Но я не могла предположить, чем обернется наше знакомство...

Святослав.

Когда оказываешься выброшенным на обочину, а все, что тебе принадлежало, в одночасье прибирает к рукам посторонняя глупая девчонка, как удержаться от соблазна испортить ей жизнь?

BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 9978-5-521-91956-7

© Тори Ру, текст, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

1 (Святослав)

Громкий шепот змеей вползает в теплый сон и до чертиков пугает меня.

Я вздрагиваю и онемевшей рукой нашариваю выключатель ночника. Тусклый свет выхватывает из темноты тесную комнату, картонные коробки в углах и завалы неразобранного шмотья.

Шепот за дверью перерастает в глухое бормотание, всхлипывания и плач — высокий и пронзительный.

Поднимаю с пола телефон и, щурясь, смотрю на время.

5:45...

В восемь утра мне нужно быть в шараге — по случаю первого учебного дня всех из-под палки сгонят в актовый зал и станут нудеть, как востребованы специалисты, окончившие наш колледж, как крупно повезло тем, кто пополнил его ряды в нынешнем году, какое светлое будущее нас ожидает... Хотя всем прекрасно известно, что это учебное заведение, расположенное на задворках, едва ли способно выдать туда билет.

Тори Ру

Потом начнутся занятия, а после них я буду до полуночи пахать на толстого дядю-бизнесмена — гонять с блокнотом и подносом между столиками и услужливо улыбаться посетителям грязной тошнотной забегаловки, гордо именующей себя рестораном.

Человек привыкает ко всему. И мне давно пора привыкнуть и смириться, но сама мысль об этом вгоняет в отчаяние и вызывает изжогу.

Я вздыхаю, разматываю наушники и затыкаю динамиками уши. Прибавляю громкость, но даже тяжеляк не может заглушить вопли и мат мамы.

Все-таки мои родители — конченные уроды.

— Мать вашу, дайте поспать!!! — ору я так, что взрывается мозг, хватаю первое, что попало под руку — альбом со старыми семейными фотографиями, в который я зачем-то весь вечер пялился, — и со всей дури запускаю в дверь.

Шелестя, по комнате разлетаются ворохи цветных картинок из счастливого прошлого. Альбом врезается в мутное рифленое стекло и, отскочив, падает.

Действие имеет эффект — телефонные разборки матери и отца временно прекращаются.

Аллилуйя... У меня есть еще два часа сна.

Выше стен

Каждое утро я довожу себя до состояния пугала: отыскиваю в завалах самые мягкие шмотки, напяливаю их и взлохмачиваю волосы. Я просто хочу, чтобы ко мне не лезли.

— Славик, чай или кофе? — виновато пищит мама из кухни, но я молчу.

Мне ничего не нужно.

Под горло застегиваю черную растянутую толстовку, забираю со стула рюкзак и прямо по безучастным глянцевым улыбкам шагаю к двери. Спohватившись, в последний момент поднимаю из вороха одно фото и прячу его в наружный карман.

— Слава, не выпался? Прости, так уж получилось. — В прихожей мама упирает руки в бока, в голосе проскальзывают стальные нотки. — А по-твоему, я должна была промолчать? Он даже тарелки из сервиза забрать вознамерился: видите ли, шлюхе и ее доченьке нужен антиквариат! Будто эта обезьяна из икеевской посуды не поест!..

По сердцу что-то больно царапает, и я скриплю зубами:

— Он два года о нас не вспоминал. За каким ты вообще ему перезвонила?!

Я прохожу мимо матери, завязываю на два узла шнурки на берцах и вываливаюсь в подъезд. Без куртки и зонта. Плевать, что на улице ливень.

Может, подхватчу какую-нибудь заразу и сдохну.

Шарага находится прямо в соседнем дворе — за ее стадионом с растрескавшейся асфальтной

дорожкой и ржавыми тренажерами начинается заросший, уже лет сто никому не принадлежащий сад, плавно перетекающий в заброшенный дачный массив. Ну а дальше от всего мира глухими стенами отгородился «Квартал для нищих» — так в городе называют элитный коттеджный поселок, где я когда-то жил.

У входа в колледж, попав в традиционную пробку, под дождем толпятся бледные зомби — студенты.

— Свят, здорово! — хрипит Сева — быдлан из моей группы, вечно на позитиве, и я пожимаю протянутую для приветствия руку. Потом пожимаю еще, и еще, и еще одну. Девчонки топчутся в стороне, стреляя глазами, и загадочно мне улыбаются.

Я здесь на хорошем счету: отличник на стипендии. Но не гнобят меня лишь по одной простой причине: я все еще считаюсь мажором. Отбитым чудиком, который почему-то бросил гимназию и не пошел в универ, и которого лучше не трогать.

Оказавшись в холле цвета гнилого болота, я стягиваю с башки капюшон и, не поднимая ее, иду в актовый зал, где занимаю место в последнем ряду. Недосып дает о себе знать головной болью и ознобом, мокрая толстовка липнет к спине и плечам, глаза слезятся от слишком яркого света гудящих под потолком люменов.

Стоит гробовая тишина — окружающие находятся примерно в такой же кондиции: кто-то спит,

Выше стен

кто-то жует не спасающую от похмельного перегара жвачку, кто-то тупо уставился на сцену и впал в анабиоз под стук дождя.

Внезапно из колонок раздается пронзительный свист и торжественная музыка. Я подпрыгиваю, сдавленно матерюсь и глубоко вдыхаю, справляясь с испугом.

Сева падает на свободный стул рядом и, стараясь переорать какофонию, сообщает:

— Вот суки! Я чуть инфаркт не хватанул! — Его протокольная рожа расплывается в блаженной улыбке. — Ну лан, ща директриса заглохнет, и перваков заведут. Баб заценим!

Я ухмыляюсь и откидываюсь на скрипучую жесткую спинку. Девки — это хорошо. Пусть самые красивые и умные из них остались там, в стенах элитной гимназии, а здешние интересны лишь до тех пор, пока не откроют рот, но передо мной замаячила надежда хоть на какое-то развлечение посреди дерьмового дня.

Директриса брызжет слюной в микрофон и захлебывается от счастья, в очередной раз пытаясь внушить равнодушному сборищу внизу, что все мы — избранные, заглядывает в папку и, коверкая фамилии, приступает наконец к «десерту».

— Антонова Анечка! — объявляет она, вручая растерянной девчонке в очках студенческий, и Сева подается вперед, но тут же сникает.

— Чёт жирная...

Тори Ру

— Есть такое дело... — Для порядка я сочувствую его горю и теряю к происходящему интерес. Набрасываю капюшон и закрываю глаза: нужно поспать перед очередным адским вечерком.

Но директриса называет следующее имя:

— Гафарова Регина!

Что-то вновь царапает по сердцу, заставляя меня посмотреть на сцену.

Вспорхнув по ступенькам, на пыльном ковре появляется худая деваха в черных круглых очках, черной длинной рубашке и драных колготках. Она улыбается черными губами, поправляет за узкие поля шляпу, наматывает на палец прядь розовых волос и картинно раскланивается.

Я сжимаю кулаки.

Она получает студенческий билет, делает книксен, машет публике ручкой...

Остекленевшими глазами наблюдаю за ее ужимками. Скулы сводит, как при отравлении. Я не могу дышать.

— Глянь, Святик! А вот эта потянет под пивоко...

— комментирует Сева.

С грохотом отодвинув стул, я встаю и быстро покидаю зал.

2 (Регина)

Стук миллионов капель за окном сливается в монотонный гул. Сладко потягиваюсь, кутаюсь в мягкое одеяло и улыбаюсь, ликуя от ощущения небывалого комфорта. Я во все глаза рассматриваю комнату — мою собственную, персональную, отдельную комнату!

Просторную и уютную, как и весь дом, в который мы с мамой наконец переехали.

Вылезаю из постели и, спотыкаясь в полумраке о неразобранные сумки и коробки, обхожу по периметру пока еще не ставшую родной спальню, задерживаясь у каждого населяющего ее предмета — шкафа, тумбочки, лампы, стола...

Отодвинув штору, я слежу за дождинками, медленно ползущими по стеклу.

За окном занимается тусклый рассвет, мутным пятном зеленеет газон, рассеянный серой садовой дорожкой, а в трех метрах от нее из земли вырастет глухая кирпичная стена, скрывающая остальной

Тори Ру

вид, — угрюмая и мрачная, наверняка в ясные дни она заслоняет даже солнце.

Мне же эта стена гарантирует полную изоляцию и защиту от окружающего мира — незнакомого города с лабиринтами сводящих с ума улиц.

Города, куда сегодня мне предстоит выбраться.

Мама и ее муж Андрей завтракают в столовой, раз в два превосходящей по метражу съемный угол, где мы ютились раньше. Хотя большую часть времени я проводила в нем одна: мама с труппой актеров областного театра постоянно пропадала на репетициях и гастролях.

Сколько себя помню, мы жили бедно, но мама старалась разнообразить окружающую обстановку: развешивала на стенах афиши и яркие картины, созданные ее друзьями, заполняла свободные пространства необычной мебелью, вазами и сувенирами.

Но они ни черта не спасали от одиночества меня — особенно когда я возвращалась из школы униженной, оплеванной, а то и избитой, и грела в микроволновке обед, глотая слезы.

Мамины друзья по училищу искусств постоянно заваливались к нам — разучивали сценарии, пели, спорили и травили сигаретным дымом плетеный абажур под потолком, а я внимала им, раскрыв рот.